

СЕКУЛЯРНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ ВЕРУЮЩИХ (на примере Республики Мордовия)

О. А. Богатова

В статье анализируются социальные установки и особенности религиозности современных российских верующих на примере Республики Мордовия. Основываясь на данных массового опроса населения Республики Мордовия, автор делает вывод о том, что данный регион России демонстрирует типичный случай «секулярной религиозности», слабо связанной с институциональной структурой религиозных объединений и их ритуальными практиками. Несмотря на то что примерно 90 % населения, судя по данным опросов, относят себя к православным, для них характерна слабая степень конфессионализации (воцерковленности), коррелирующей с толерантным отношением к представителям иных конфессий. Опросы показывают, что религиозные ценности и установки не оказывают заметного влияния на сознание и социальное поведение верующих в качестве потенциального фактора гармонизации/дезинтеграции групповых интересов, а также на мнение респондентов по актуальным политическим вопросам.

Ключевые слова: церковь, «секулярная религиозность», конфессия, верующие, религиозные ценности, межконфессиональная толерантность, религиозная идентичность.

SECULAR RELIGIOSITY IN RUSSIA: SELF-IDENTITY AND SOCIAL ATTITUDES OF BELIEVERS (the case study of the Republic of Mordovia)

O. A. Bogatova

The article analyzes the attitudes and characteristics of modern Russian religious believers (case study of the Republic of Mordovia).

From author's point of view, the religiosity of modern Russian orthodox believers at a level of religious representations, and also motivations of behavior, includes both religious (orthodox christian), and secular attitudes and values including a priority of an individual choice in regulation by believers of a degree of the communication with the parish communities and submission to authority of clergy of various levels, and also regulation of own ritual behavior; attitudes to personal interpretation of religious doctrines on the basis of representations both orthodox as "heterodox", magic and quasi-religious or quasi-scientific character; attitudes of a part of orthodox believers on independent, besides the parish community, forming of their relations with God; the "goal-directed" attitude to religion as to means of decision of the practical everyday problems; a priority of secular values in everyday behavior of the believers.

The motives of such believers may be quite different, but all they recognize the Church's authority to such extent to what they need, also they arrange their ritual behavior and contacts with priests in their own manner, looking at their religiosity as the part of their private life which requires their personal needs. Such religiosity demonstrates their cultural and ethnic/national identity, but it doesn't integrate such believers into local parish communities.

So, most of Russian Orthodox Christians must be defined as "secular believers". Secular religiosity is that kind of religiosity which associated with the private life of believer and converted into the object of personal choice, personal conceptualization and personal

© Богатова О. А., 2014

regulation of the participation in religious practices. Secular believer is believer which construct ones relationship with God independently while declaring oneself belonging to the certain religious tradition.

In the paper the social attitudes and features of religiousness of modern Russian believers on the Republic Mordovia example are analyzed. Concerning to data of mass interrogation of the population of Republic Mordovia the author does a conclusion that this region of Russia shows a typical case of «secular religiousness», poorly connected with institutional structure of religious communities and their ritual practices. In spite of the fact that approximately 90 % of the population, judging by data of interrogations, identify themselves as orthodox christians, their religiousness is characterized by weak degree of confessional involvement correlating with the tolerant attitude to representatives to other faiths. The survey data also demonstrate that religious values and installations do not render appreciable influence on consciousness and social behaviour of believers as the potential factor of harmonisation/desintegration of group interests, and also on opinion of respondents on actual political questions.

Keywords: church, secular religiosity, confession, believers, religious values, interreligious tolerance, religious identity.

В структуре современного российского общества, как и в репертуаре признанных форм выражения групповых интересов и требований, произошли существенные изменения по сравнению с советским периодом. Наряду с признанной государством в советский период этнорегиональной структурой интересов проявили себя различные формы межгрупповой дифференциации и социального неравенства, основанные на различиях в доступе к материальным ресурсам, власти, уровне территориального развития, образе жизни, идеологической, религиозной, субкультурной дифференциации. Социологические данные о религиозности населения показывают, что религиозность наиболее многочисленной группы верующих – православных является в целом внеинституциональной, обособленной от социальных поведенческих практик, и характеризуется свойственной секулярному обществу поляризацией между индивидуальной конфессиональной идентичностью, с одной стороны, и социальными отношениями, институтами и практиками, которые формируются и регулируются без учета религиозной принадлежности – с другой.

Интерпретируя данные собственного всероссийского исследования, Д. Е. Фурман и К. Каарияйнен отмечают наличие в современном российском обществе

«проправославного консенсуса», а также во многом формальный и поверхностный характер религиозности большинства российских верующих и делают вывод о том, что доля «традиционных» верующих православных среди населения России крайне незначительна: не более 7 %, по данным массового опроса населения России в 1999 г., и 8,8 % – в 2005 г. [3, с. 58]. Белорусский исследователь Д. К. Безнюк в этой связи использует термин «секулярный (партикулярный) верующий», имея в виду таких верующих, которые «при декларировании себя верующим (почти половина опрошенных граждан), высокой оценке роли религии в сохранении традиции и культуры (более трети опрошенных), признании нравственной функции религии (более 40 %)... не живут церковной жизнью, т. е. не связаны с организационной структурой своей веры» [1, с. 129], а также не руководствуются в своих поступках религиозными мотивами и слабо ориентируются в догматах своей веры, не придавая им особенного значения» [4, с. 130].

Н. Зоркая, обобщая аналогичные данные всероссийских опросов, полученные Левада-центром, характеризует российское общество как «безрелигиозное», а религиозность типичного российского верующего – «захожанина», лишь изредка бывающего в церкви, рассматривает в терминах пассивности,

равнодушия к религии, отсутствия глубоких религиозных потребностей и знаний, отмечая, что большинство современных последователей Русской православной церкви (РПЦ) в опросах декларирует приверженность к секулярному принципу свободы совести, согласно которому отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», но вместе с тем, «по собственным высказываниям большинства именующих себя православными, религия не играет особенно важной роли в их повседневной (индивидуальной) жизни» [2, с. 84].

В ходе работы над научно-исследовательским проектом «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтническом регионе»* нами был предпринят систематический социологический анализ взаимоотношения этничности и религиозности в Мордовии, значимости религиозной и этнической идентичности для наиболее многочисленных этнических (русские, мордва, татары) и конфессиональных (православные христиане и мусульмане) групп, степени религиозности и воцерковленности населения Республики Мордовия, уровня этнической и религиозной толерантности в республике, соотношения этнической, религиозной, региональной и общероссийской гражданской идентичности, возможностей использования религиозной и этнической идентичности в процессе формирования общероссийской гражданской идентичности и солидарности.

В исследовании использовался метод массового социологического опроса: интервьюирование населения типичного полиэтнического региона Приволжского федерального округа по репрезентативной выборке (выборка стратифицированная, квотно-территориальная, с квотным отбором по месту жительства, полу, возрасту, этнической принадлежности, случайным отбором единиц опроса – улиц

и домов в наиболее крупных городах, поселений в сельских районах, объем региональной выборки – 1 тыс. респондентов).

Опрос показал, что верующими считают себя 93 %, неверующими – 4,4 % опрошенных, в том числе 3,7 % мордвы и 4,4 % русских. Большинство неверующих – люди в возрасте старше 50 лет, без высшего образования, две трети из них – мужчины. 1,7 % респондентов считают себя верующими, но ни к какой конкретно религии себя не относят, столько же выбрали вариант «к религии отношусь безразлично», а 0,7 % колебались между верой и неверием. Таким образом, уровень религиозности населения в республике является стабильно высоким.

Наибольшее количество последователей имеют две конфессии – РПЦ (Московский патриархат) и ислам. Доля православных верующих в составе респондентов составила 86,4 %, из них мордвы 90,8 % и русских 90,1 %. Доля мусульман составила 4,4 % респондентов, что соответствует количеству опрошенных татар. Кроме того, в выборочную совокупность попали 3 представителя протестантских деноминаций, зарегистрированных в республике, и 1 язычник (русский по национальности). В основном респонденты относили себя к тому или иному вероисповеданию на основе культурной самоидентификации: так, к православным отнесли себя более 90 % русских и мордвы, к мусульманам – 80 % татар (однако 8,9 % опрошенных татар считают себя православными, а 3 респондента мордовской национальности (0,9 %) и 4 русских (0,7 %) – мусульманами).

В целом следует отметить, что в Мордовии доля православных больше, а неверующих – меньше, чем в среднем по России: так, во всероссийском опросе, проведенном Аналитическим центром имени Ю. Левады в августе 2011 г., в России в этот период было выявлено

* Грант в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2012–2013 гг., соглашение 8004 Минобрнауки РФ с Российской правовой академией Минюста РФ.

69 % православных, 5 % мусульман, менее 1 % представителей других конфессий и 22 % неверующих.

В исследовании также ставилась задача изучения влияния религиозных ценностей и установок на сознание и социальное поведение верующих в качестве потенциального фактора гармонизации групповых интересов. Наличие потенциала социального влияния религии можно констатировать, исходя из оценок самих респондентов, большинство которых считает, что религия в их жизни играет «очень важную» (22,0 % респондентов) или «важную» (36,3 %) роль, в то время как лишь 24,2 % опрошенных характеризует эту роль как «не очень важную», а 16,5 % считает, что она не играет в их жизни никакой роли.

В то же время конфессиональная вовлеченность верующих в республике невелика, судя по данным опроса, можно говорить об очевидной приватизации и частичной деинституционализации религиозности в Мордовии: 76,8 % опрошенных отметили, что не участвуют в деятельности или мероприятиях какой-либо местной религиозной/приходской общины, не считая посещения служб. Из 23,2 % верующих респондентов, принимающих участие в такой деятельности, половина занимается ею несколько раз в месяц (44,4 %), каждую неделю (1,8 %) или несколько раз в неделю (2,7 %). Однако эти социально активные верующие составляют меньшинство. Кроме того, менее 10 % респондентов посещают богослужение хотя бы раз в месяц, что не позволяет говорить о сложившейся социальной связи остальных с какой-либо местной религиозной общиной. Большая часть респондентов посещает храм или молитвенное собрание несколько раз в год.

В связи с этим в опросе была предпринята попытка определить, кого сами верующие могут отнести к числу последователей собственной религии. Как выяснилось, в сознании верующих преобладают критерии, основанные на самоидентификации (варианты ответов

«Всех, кто сам себя считает последователем этой религии и верит в Бога, который отвечает на молитвы, независимо от участия в религиозных обрядах» – 23,4 % и «Всех, кто сам себя считает последователем этой религии» – 15,3 % респондентов или самоидентификации с определенной религией при условии соблюдения отдельных, наиболее важных (по индивидуальному выбору) религиозных обрядов – 31,7 %). Лишь треть опрошенных верующих настаивала на соблюдении всех религиозных предписаний под руководством священнослужителя (25,1 %) или регулярном посещении богослужения (10,9 %).

Анализ распределения ответов на вопрос об отношении к различным религиям в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов свидетельствует о высоком уровне межконфессиональной толерантности в республике. Положительное отношение к православию демонстрируют не только 97,6 % православных (в том числе 50,2 % относятся к нему «очень хорошо» и 47,4 % – «хорошо»), но и 68,3 % мусульман, а также 47,7 % неверующих.

Анализ распределения ответов на вопрос об отношении к различным религиям в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов свидетельствует о высоком уровне межконфессиональной толерантности в республике. Большая часть респондентов «хорошо» или «очень хорошо» относится к представителям собственной конфессии, в то время как по отношению к остальным преобладает безразличное (у части респондентов) или позитивное отношение. Наименее толерантное («плохое» и «очень плохое») отношение опрошенные демонстрировали к «Свидетелям Иеговы» (27,0 % респондентов, включая 27,6 % православных, 27,2 % мусульман и 15,9 % неверующих). 10–15 % респондентов также демонстрировали «плохое» или «очень плохое» отношение к другим неправославным и немусульманским конфессиям: протестантам (16,1 %, в том числе

17,0 % православных, 6,8 % мусульман и 15,9 % неверующих), кришнаитам (15,5 %, в том числе 15,8 % православных, 15,9 % мусульман, 6,8 % неверующих) и иудеям (12,1 %, в том числе 12,6 % православных, 11,4 % мусульман и 9,1 % неверующих). Тем не менее доля опрошенных верующих, которые относятся к этим конфессиям плохо или очень плохо, составляет менее 30 % и, следовательно, межконфессиональные предубеждения не являются в Мордовии распространенным явлением, а взаимоотношения между конфессиями остаются стабильно толерантными, как и в предыдущие годы.

Социальные установки респондентов в отношении роли и функций религии в обществе в целом характеризуются некоторой размытостью: очевидно, жители республики обычно не задумываются над соответствующими проблемами. Большая часть респондентов в Мордовии на вопрос: «Должны ли, по Вашему мнению, Русская православная церковь и другие традиционные религии оказывать влияние на принятие государственных, политических решений?» больше половины респондентов ответили «да» (26,7 %) или «скорее, да» (25,6 %), при этом количество ответивших «нет» (18,1 %) или «скорее, нет» (25,0 %) оказалось ненамного меньше.

В ответ на вопрос: «На Ваш взгляд, допустима ли в нашей стране публич-

ная критика деятельности и образа жизни священнослужителей и религиозных лидеров?» 35,7 % респондентов ответили «Допустима, если она не содержит клеветы и призывов к насилию», столько же (35,8 %) считали, что такая критика оскорбляет чувства верующих и потому недопустима, а 24,9 % сочли такую критику допустимой в любой форме. Ответ на вопрос о том, насколько большое влияние на общественную жизнь оказывают в стране религиозные организации, также находится в рамках ценностей светского государства: 45,8 % респондентов утверждали, что они оказывают столько влияния, сколько необходимо, а треть считала это влияние слишком большим (16,9 %) или «немного больше, чем необходимо» (16,3 %).

Таким образом, результаты исследования демонстрируют условность профессиональной дифференциации в современном российском обществе, преимущественно символическое значение религиозной идентичности, следовательно, основной акцент в области управления этнокультурными различиями должен, с нашей точки зрения, делаться не на поддержание групповых границ, а на обеспечение гарантий равных прав на пользование культурными и социальными благами независимо от происхождения, места проживания или профессиональной самоидентификации граждан России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Безнюк, Д. К.** Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси / Д. К. Безнюк // Социологические исследования. – 2006. – №2. – С. 128–135.
2. **Зоркая, Н.** Православие в безрелигиозном обществе / Н. Зоркая // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 2(100). – С. 65–84.
3. **Фурман, Д. Е.** Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI века: докл. Ин-та Европы РАН / Д. Е. Фурман, К. Каарийнен. – Москва : Огни ТД, 2006. – 92 с.

Поступила 05.02.2014 г.

Об авторе:

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bogatovaoa@yandex.ru

Для цитирования: Богатова, О. А. Секулярная религиозность в России : самоидентификация и социальные установки верующих (На примере Республики Мордовия) / О. А. Богатова // Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 3. – С. 153–158.

REFERENCES

1. Bezniuk D. K. Sostoyaniye i spetsifika sovremennoy religioznoy situatsii v Belarusi [The state and specifics of current religious situation in Belarus]. *Sociologicheskiye issledovaniya* – Sociological studies. 2006, no. 2, pp. 128 – 135.

2. Zorkaya N. Pravoslaviye v bezreligioznom obshchestve [The Orthodoxy of the Society without Religion]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye, Analiz, Diskussii* – The Russian Public Opinion Herald: Data, Analysis, Discussions. 2009, no. 2 (100), pp. 65 – 84.

3. Furman D. E., Kaariainen K. Religioznost v Rossii v 90-e gg. XX – nachale XXI veka. Doklady Instituta Evropy RAN [The religiosity in Russia in the 90-s of the 20th – the beginning of the 21st century. Reports of the Institute of Europe]. Moscow, 2006.

About the author:

Bogatova Ol'ga Anatol'evna, professor of Sociology chair of History and Sociology Institute, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), Doktor Nauk degree holder in Sociological sciences, bogatovaoa@yandex.ru

For citation: Bogatova O. A. Sekuljarnaja religioznost' v Rossii : samoidentifikacija i social'nye ustanovki verujushhih (na primere Respubliki Mordovija) [Secular religiosity in Russia: self-identity and social attitudes of believers (the case of the Republic of Mordovia)]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin. 2014, no. 3, pp. 153 – 158.